

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ Е. Н. ЧИРИКОВА
«ОТЧИЙ ДОМ»

Анастасия Назарова
(Москва)

Чириков определил жанр своего последнего романа как семейную хронику. «Отчий дом» (1929–1931) имеет ряд определенных расхождений с признанными образцами этого жанра — «Семейной хроникой» С. Т. Аксакова, «Старыми годами в селе Плодомасове» и «Захудалым родом» Н. С. Лескова, «Пошехонской стариной» М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Например, в «Отчем доме» прослеживается судьба представителей только одного поколения семейства Кудышевых, хотя обычно хроника предполагает рассказ о «бытовом течении жизни» [2: 65] нескольких (как правило, трех последних) поколений дворянского рода. Вместо этого, о быте и нравах предков Кудышевых кратко сообщается в самом начале повествования. Судьба же «внуков», детей старшего брата Павла Николаевича (Петра, Наташи и Женьки) и сына среднего брата Дмитрия (Ваньки), остается незавершенной, поскольку Чириков успел довести сюжет только до событий 1905 г. Значительную помощь в решении проблемы жанровой принадлежности «Отчего дома» может оказать обращение к вопросу о трансформации в семейной хронике Чирикова жанра «классического» русского романа¹.

В первую очередь обращает на себя внимание эпический размах «Отчего дома», замысел которого можно сопоставить с идеей «Войны и мира». Исследуя истоки декабристского движения, Толстой сделал вывод о необходимости обратиться к эпохе Отечественной войны 1812 г. и даже к более раннему периоду, определившему бунтарские настроения будущих дворянских революционеров. Чириков же, осветив в своей книге более чем 25-лет-

¹ По мнению И. П. Видуэцкой, «хроника как крупная повествовательная форма, несомненно, является жанром, близким к роману и взаимодействующим с ним» [1: 208].

нюю историю России, пришел к убеждению, что предпосылки революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны следует искать в недавнем прошлом страны, а именно в период с начала 1880-х по 1905 г. Именно тогда революционные фанатики из «Народной воли» и других левых партий, утверждая, что цель оправдывает любые средства, а политическое убийство допустимо и необходимо, начали преступать нравственные законы, чем ввели русскую совесть «в неопишное смущение» [4: I, 29]. Мысль о том, что «истоки настоящего коренятся и закономерно обусловлены прошлым» [2: 65], пронизывает и уже упоминавшиеся хроники Аксакова, Лескова и Щедрина, где осмыслились причины разорения и морального «оскудения» дворянства, следовавших за отменой крепостного права. Чириков же в «Отчем доме» продемонстрировал, что в конце XIX в. социально-нравственный упадок захватил не только это сословие, но целиком все русское общество: крестьянство, революционную интеллигенцию, царскую власть. И первым признаком, свидетельствующим о тотальном неблагополучии, была, по мысли художника, ломка семейных отношений.

Здесь необходимо обратиться к Толстому, который видел в семье не столько кровное, сколько духовное родство. Эта мысль была развита на примере семей Болконских и Ростовых, обладавших крепкой внутренней общностью, основанной на искренности чувств и величайшей преданности друг другу. Им он противопоставлял Курагиных, подчеркивая их духовное омертвление.

Хотя в «Отчем доме» мать и сыновья живут под одной крышей, о духовном единстве между ними говорить не приходится. «Дети одной семьи, рожденные на протяжении менее одного десятилетия, братья казались людьми трех взаимно отрицающих друг друга поколений» [4: I, 11]. Их общение сводится к бесконечным стычкам, насмешкам и взаимному, выставляемому напоказ презрению — все это отражает, по убеждению Чирикова, те разрушительные процессы, которые протекали в России с начала 1880-х гг. и привели к разрушению «национально-государственного отчего дома» [4: IV, 13].

За судьбой отдельной семьи, рода писателю видится судьба всей страны, поэтому сюжет хроники оказывается насыщен нехарактерными для этого жанра событиями из области «общей государственной жизни» [4: IV, 12] — от политики царского прави-

тельства в отношении земских учреждений до войны с Японией. Кроме того, писатель вводит в круг персонажей подлинные исторические фигуры: от молодого Владимира Ленина и первых русских марксистов (П. Н. Сковорода и Г. В. Плеханова) до царедворцев (К. П. Победоносцева, С. Ю. Витте, В. К. Плеве). Действие хроники разворачивается не только в родовом имении Кудышевых, но и в «двух столицах» — Петербурге и Москве, и даже за границей — в Италии и Швейцарии, где располагались «штаб-квартиры» большевиков. Много места в романе писатель отвел изображению столкновения идей и своеобразия политических программ (консервативного монархизма, народничества, экстремизма народофильского толка, марксизма, толстовства и различных сектантских уклонов), носителями которых становятся братья Кудышевы, их единомышленники и оппоненты. Таким образом, Чириков ориентировался не только на жанр исторического романа, но и заявил о себе как наследнике романов Тургенева.

Само заглавие — «Отчий дом» — отсылает к образу «дворянского гнезда», символизирующего семью и родительский дом, где не прерывается связь поколений. Тургенев на примере родословных Лаврецовых и Калитиных показал разрыв этих связей, что обуславливает разрушение дворянского сословия. Причина этого процесса виделась ему в оторванности дворянства от народных «корней», что проявилось, с одной стороны, в образе «барства дикого», а с другой, в преклонении перед Западной Европой. Схожим образом Чириков объясняет непонимание между крестьянством и интеллигенцией, чьи либеральные и революционные теории оказались глубоко чужды чаяниям народа. Жизнь обитателей барского дома воспринимается крестьянами как непрерывающийся праздник. И если «Павла Николаевича мужики <...> видят занятым по хозяйственным делам» в то время, как старая барыня «кипятится да ругается», то все остальные родственники и визитеры только и делают, что «поют, пляшут, играют в игры разные, книжки читают, пьют да едят...» [4: I, 70]. Поэтому все попытки Кудышевых и их гостей «опроститься» и влиться в крестьянскую жизнь воспринимаются мужиками как «барское бабство от безделья» [4: I, 71].

Отметим: Павел Петрович Кирсанов, приписывая Базарову презрение к народу, сам идеализировал то, что, по мнению его оппонента, «душило» Россию — патриархальная отсталость, суе-

верия и долготерпение русского мужика. В результате Тургенев, по собственному признанию, «выпорол отцов», хотя стремился «высечь детей». Однако читатель романа делал вывод, что и для тех и для других мужик был некоей абстракцией (после расспросов крестьяне воспринимают Базарова как «шута горохового», а Павел Петрович при встрече с ними всегда «морщится и нюхает одеколон» [3: 30]). Чириков постоянно акцентирует внимание читателя на том, что и «отцы», и «дети», ведя принципиальные споры о том, как добиться крестьянского благополучия, не замечают «живых» Ивана, Никиту, Марью или Дарью и относятся к ним как к некоей «алгебраической, отвлеченной величине» [4: I, 57].

Всем ходом действия автор предостерегал от «холодного», рассудочного теоретизирования. По нашему мнению, это отсылает к проблематике «антинигилистического» романа: к «Бесам» Достоевского, который подчеркивал, что гуманистически отвлеченное служение человечеству почти всегда оборачивается его духовным и физическим уничтожением. Благие идеи, когда ими начинают пользоваться мошенники и аморальные люди, вроде Петра Верховенского, Лямшина, Шигалева и им подобных, неизбежно приводят к уравниванию понятий добра и зла, после чего и убийство может трактоваться как благородный поступок, а его исполнитель в глазах общества становится героем. В семейной хронике Чирикова Ленин предстает Антихристом, искушающим и соблазняющим «революцией». Этот «маленький господинчик», носящий в себе, по характеристике одного из персонажей, «огромнейшую гордыню», вознамерился «взорвать не один храм Дианы, а все храмы на земле вообще» [4: II, 106]. «Первый ленинский опыт» — московское восстание 1905 г. — предрешил, по мнению Чирикова, будущую трагическую судьбу России.

Для достижения большего художественного эффекта Чириков в ряде мест прибегает к историческим натяжкам и хронологическим «подтасовкам». Чтобы доказать жестокость Ленина и его близость к террористической идеологии народовольцев, Владимир оказывается в Петербурге во время подготовки брата Александра к покушению на императора. В действительности же младший Ульянов в этот период только заканчивал обучение в симбирской гимназии и политикой не увлекался. Когда же становится известно о казни Александра Ульянова и Анна Михайловна Кудышева решает навестить его семью, ее пугает отец, Илья Гри-

горьевич, сошедший, как ей кажется, от горя с ума. Однако к моменту казни сына Ильи Григорьевича, как известно, уже не было в живых.

Чириков по-своему осмыслил традиции исторического романа Серебряного века, усвоив опыт Мережковского, Белого, Брюсова, и предложил собственное историософское прочтение событий рубежа XIX–XX вв. Стремясь найти адекватное воплощение своему замыслу, Чириков на базе семейной хроники создает новую жанровую форму — хронику социально-политической жизни и умонастроений российского общества. Таким образом, Чириков выходит за рамки созданного критиками образа простого бытописателя, не способного к философским обобщениям.

ЛИТЕРАТУРА

1 — *Видуэцкая И. П.* «Пошехонская старина» в ряду семейных хроник русской литературы // Салтыков-Щедрин. 1826–1976: Статьи. Материалы. Библиография. Л., 1976; 2 — *Грачева А. М.* «Семейные хроники» начала XX века // Русская литература. 1982. № 1; 3 — *Тургенев И. С.* Отцы и дети. М., 2008; 4 — *Чириков Е. Н.* Отчий дом. Белград, 1929–1931. Т. 1–5.